

Прокофьева Ирина Олеговна

ЖЕНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ ОТ С. ЧУРАЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА "ЧУДЕСА НЕСВЯТОЙ МАГДАЛИНЫ")

Настоящая статья посвящена анализу рассказа талантливой уфимской писательницы С. Чураевой "Чудеса несвятой Магдалины", своеобразию сюжета, композиции, образной системы, системы приемов, используемых прозаиком в повести. В статье раскрывается идейно-эстетическое содержание рассказа уфимского автора, жанровая специфика текста. "Чудеса несвятой Магдалины" С. Чураевой можно отнести к сложному жанровому образованию – рассказу-притче.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 135-138. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

Настоящая статья посвящена анализу рассказа талантливой уфимской писательницы С. Чураевой «Чудеса несвятой Магдалины», своеобразию сюжета, композиции, образной системы, системы приемов, используемых прозаиком в повести. В статье раскрывается идейно-эстетическое содержание рассказа уфимского автора, жанровая специфика текста. «Чудеса несвятой Магдалины» С. Чураевой можно отнести к сложному жанровому образованию – рассказу-притче.

Ключевые слова и фразы: система образов; эклектичность сюжета; сценарный принцип композиции; рассказ-притча; женская проза.

Прокофьева Ирина Олеговна

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
kazahenko2010@mail.ru*

**ЖЕНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ ОТ С. ЧУРАЕВОЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ЧУДЕСА НЕСВЯТОЙ МАГДАЛИНЫ»)®**

Рассказ «Чудеса несвятой Магдалины» является одной из шестнадцати глав романа уфимской писательницы С. Чураевой «Shura_Le». Интригует название всего романа, а также заглавие рассматриваемой нами главы. Попробуем поразмышлять, о каких, собственно, чудесах идёт речь в рассказе автора и почему Магдалина всё-таки, вопреки явно приходящему на память библейскому сюжету, является несвятой. Ведь в библейской истории Магдалина – и блудница, и раскаявшаяся грешница, и святая. У С. Чураевой в рассказе несвятой Магдалиной становится новорождённая девочка, чей приход в этот мир никто не ждёт. Но и нагрешить невинный младенец ещё не успел. А может быть, сам факт её рождения – уже великий грех?

Чтобы выяснить это, вспомним сначала сюжет рассказа. Девочке, чей возраст не поддаётся точному определению (главное, что она уже достигла детородного периода), «заботливые» родители запрещают есть яблоки. А «добрый» знакомый Сашка и его гости разрешают, давая запить их какой-то обжигающей жидкостью, от которой горько во рту. Эта ситуация – завязка истории. Затем действие развивается стремительно и захватывающе: девочка шесть месяцев мается животом, не догадываясь, что беременна, об этом первыми узнают «прозорливые» родители, которые избивают дочь и ведут её в роддом, чтобы избавить своё неразумное чадо от будущего ребёнка. Там, познав все прелести самой гуманной на свете советской медицины (события разворачиваются в начале 90-х годов), она рождает живую девочку, которая по всем расчётам врачей не должна была появиться на свет. Имя этой девочки – Магдалина. Так звучно её назвала родная мать. Ещё более динамичен финал рассказа. Главная героиня, в которой проснулся недетский материнский инстинкт, босиком уходит из роддома к дедушке-алкоголику, точнее, к пятому мужу бабушки, у которого отошедшая в мир иной бабушка – четвёртая по счёту жена. На этом, собственно, история неожиданно и заканчивается.

Наш краткий пересказ, безусловно, может напугать читателя не знакомого с «Чудесами несвятой Магдалины» С. Чураевой. Но, как это ни странно, текст во время чтения вызывает совсем не испуг, а глубокий интерес, так как каждая строчка этого произведения наполнена подтекстом. Его и хочется «расшифровать».

Теперь всё по порядку. Круг главных героев, благодаря которым развивается сюжет, невелик. Это девочка с незамутнённым, девственным сознанием, по-детски воспринимающая мир. Кричащие, орущие, избивающие единственное чадо и вечно работающие родители. И, наконец, младенец, который вначале вызывает отвращение, смешанное с жалостью, а затем – умиление. Все остальные персонажи проходят вскользь, но «застревают» в памяти благодаря своей выразительности, образности и ёмкости.

Первые – Сашка и его гости (один из них даже врач). О «внимательном» Сашке мы узнаём, что у него «не кричали – смеялись, болтали, и на девочку всем было наплевать», его голос, когда он предлагал съесть яблоко, был «добрым – по-настоящему» [8, с. 80]. И в этой «доброй» атмосфере неизвестно, от кого был зачат будущий ребёнок. Его зачатие можно считать практически непорочным, ведь девочка даже не догадывалась, что «чудо» свершилось. Сарказм последней фразы направлен, конечно же, не на главную героиню: откуда берутся дети, она узнала только в роддоме и этим открытием искренне хотела поделиться потом с ребятами из её двора.

Вторая – бабушка. Мы не знаем, была ли она заботливой и любящей по отношению к своей внучке. О ней вспоминает девочка, потому что смерть бабушки испугала героиню: в повести она сама очень боится умереть от внезапно появившегося «рака».

Третьи – близнецы из второго подъезда, с которыми днём главная героиня слезила в поразивший воображение детей подвал, а вечером, задрвав голову, наблюдала за НЛЮ, застывшим над городом. Возвращаясь к угадываемым в тексте библейским сюжетам, НЛЮ с большой натяжкой можно сравнить с Вифлеемской звездой, возвестившей миру о рождении Спасителя.

Поражает и своей узнаваемостью в наше время, если хотите, типичностью сцена, в которой родители-изуверы хотят выпытать у девочки, где она нагуляла ребёнка. «Девочка хотела рассказать всё очень подробно,

как и где воровала яблоки, но мама начала её бить. Била по лицу, с размаха, ладонью. <...> Когда девочка упала, рак резко двинулся в животе и пополз! Он полез в бок, так что бок оттопырился, он ходил в ней – живой, в пустоте! И, уклоняясь от удара, пытался порвать девочке бок, выйти наружу. Девочка тоже поползла, схватив папу за ногу, ловила за ноги маму... <...>

– Я убью тебя! – взвизгнул папа.

Ужасно – он тоже плакал, и трудно было разобрать, говорит он: “убью” или “люблю”. <...>

– Йаубювас! – изо всех сил, как заклинание, прокричала девочка распухшими неудобными губами. – Йатожеубювас! Йаубювас!» [Там же, с. 81].

Но Саша, близнецы, бабушка остались в детской жизни, а во «взрослой», в которой свирепствует «рак», появились другие, но такие же «добрые» и «сострадающие» девочке люди. А может быть, и не люди, а всего лишь герои фильма ужаса или кровавого боевика, в котором льются реки крови, хотя в «кино» С. Чураевой никто не стреляет. И повсюду кровь, даже в лифте, в котором, по предположению девочки, кого-то убили. Но захватывающий фильм быстро закончился, и начался настоящий кошмар. Героиня попала к эскулапу-гинекологу, он осматривал девочку, с которой родная мать даже не поговорила о будущих искусственных родах и о том, что девочка должна избавиться от ребёнка (о его существовании внутри себя она ещё не подозревала). «Злющий врач с волосатым горлом и волосатыми руками велел ей залезть на высокое странное кресло. Девочка вскарабкалась по приступочке и робко села на холодный клеёнчатый край. Сидеть было неудобно из-за глубокой полукруглой выемки.

– Ложись! Ложись! – крикнул злощущий врач с другого конца кабинета; он мыл руки и натягивал резиновые перчатки.

А как лечь? На спину или на живот? Наверное, смотреть ей будут заболевший живот, тогда лечь нужно на спину. Но как? Девочка примерилась, пристроила голову в полукруглую выемку, вытянула ноги по спинке кресла и вцепилась в металлические поручни. Вроде бы получилось удобно, только голова немного провисла» [Там же, с. 83].

Это, пожалуй, самый «весёлый» эпизод из больничной жизни героини, дальше всё было страшнее и ещё более правдиво. Целый ряд подробностей и деталей: сорочка с рваным воротом, бритва, хозяйственное мыло, клизма, капельницы, уколы, таблетки и боль, боль, которая не отпускает девочку в ночном пространстве. Так много физиологических и бытовых подробностей в чураевском тексте, наверное, потому что очень страшно и одиноко главной героине, а когда страшно, то в голове застревают детали, которые в другое время могли показаться незначительными.

И что же можно сказать о знании девочкой жизни, вернее, абсолютном её незнании? Кто бы и когда-нибудь просто и по-человечески поговорил с будущей матерью Магдалины, хотя бы родители! В нашей стране, видимо, принято экспериментальным путём получать сведения о жизни, ставя эксперимент на живой душе ребёнка из-за махрового ханжества и равнодушия взрослых. Даже о смерти, которая вот-вот должна наступить из-за сильных болей во время родовых схваток, девочка рассуждает по-киношному. Она вдруг вспоминает папину фразу о космическом одиночестве, когда «на сотни миллионов лет – ни единой души», или «ты остался последним на чужой необычной планете – всех убил неизвестный вирус» [Там же, с. 84]. И дальше потрясающая в своей обыденности сцена родов, которую и родами-то назвать трудно. Это не светлое, пусть и мучительное таинство, а просто физиологический акт, неприглядный и буднично-покойный, как сходить в туалет.

Но чудо, несмотря на всю грязь и боль, свершилось. Вопреки всему и всем, у девочки родился ребёнок, как оказалось, девочка. Странно, но только мать будущей Магдалины понимает, что это великое счастье и награда за все мучения и унижения, перенесённые ею. Возникают вопросы, которые напрашиваются сами собой: почему в эту жизнь дети приходят не для, а вопреки; почему о том, что дети – бесценный дар, знали ещё древние и совсем забыли в наше время.

И потом потянулись «увлекательные» в своей новизне больничные дни. И пред читателем вновь появляются колоритные, точно выписанные персонажи, которые сменяют друг друга. Это и роженицы, перемивающие своим мужьям и любовникам косточки, и излишне образованная для основного контингента роддома «молодая женщина в очках», знающая чудное слово «оргазм».

В повести возникают практически картинка с натуры, картинка больничной жизни. Станный старик, обёрнутый, как живая мумия, простынёй и плачущий в телефонную трубку: пока его оперировали, пропали все его вещи. Парень Паша – молодой идиот, засунувший в рот лампочку, и таксист, который повторил его «подвиг». Теперь оба, ожидающие её извлечения, в приёмном покое больницы.

Но, пожалуй, самый колоритный персонаж – доктор. Он в рассказе то злой-презлой, то вдруг всё понимающий и даже сочувствующий. Доктор единственный, кто в конце рассказа обращается с девочкой почти по-человечески. Он приносит юной маме её ребёнка, которого она назвала Магдалиной. «Над столом с телефоном висел календарь, на нём красивая женщина с распущенными волосами стояла на коленях, смотрела вверх, приложив руку к груди. На ней была такая же рваная сорочка, как у всех женщин в отделении. “Кающаяся Мария Магдалина, Тициан”, – прочитала девочка. <...>

– Магдалина, – сказала она вслух. – Я назову её – Магдалина.

– Слишком претенциозно, – сказал врач.

– Да, – важно кивнула мать Магдалины. – Я тоже так думаю» [Там же, с. 92].

Наконец-то всё объяснилось, девочка дочку назвала Магдалиной, потому что просто красиво, потому что тициановская Мария Магдалина похожа в рваной сорочке на обычных рожениц рядового советского роддома. Но больше удивляет не это, а то, что «претенциозно» – это первое взрослое слово, которое, видимо, знает и понимает девочка, которая для окружающих была либо идиотка и дура, либо блудница и шалава.

Героиня уходит из больницы, отстаивая своё право и счастье быть матерью. Откуда же у девочки такая отчаянная смелость и врождённое умение любить, а в маленькой Магдалине – цепкое желание жить? Финал рассказа открытый: будущее матери и ребёнка трудно назвать безоблачным и радостным. Но это уже другая история. Видимо, главным для автора является сама история невероятного или, наоборот, слишком типичного для сегодняшнего времени прихода, явления в этот мир человека. Великое чудо Бога – человек – перестал быть чудом сегодня.

Талантливое произведение всегда будет порождать противоречивые отзывы и отклики. В журнале «Бельские просторы» на восьмом заседании литературно-критического клуба «Гамбургский счёт» состоялось обсуждение чураевского текста. Приведём и прокомментируем наиболее яркие, на наш взгляд, оценки рассказа «Чудеса несвятой Магдалины».

В. Султанов видит в рассказе С. Чураевой черты современной женской прозы (Л. Улицкой, Т. Толстой), в которой сочетаются «повествования о бытии телесного низа, которое было бы раблезианским, если не было наполнено такой чудовищной тоской и одиночеством, и – обязательно! – о наличии / отсутствии любви, о попытке связи двух людей и сосредоточенности именно на прочувствовании этой связи, этой вязкой, тёплой соединённости» [1, с. 161]. С. Вахитов замечает: «Поразила физиология мрачной убогой жизни, сквозь которую пробивается свет, как песня, полная любви, муки и нежности. <...>. Несомненное достоинство рассказа – динамичность развития сюжета, которая достигается ёмкими лаконичными диалогами и быстро меняющимися, словно эпизоды кинофильма, позициями (ситуациями) действия. Многочисленные детали стремительно следуют друг за другом <...>, на первый взгляд посторонние, лишние детали органично включаются в эмоциональный настрой текста <...>» [Там же, с. 162-163]. Савельев пишет, что С. Чураева продолжает в своём рассказе линию, близкую «к житийной литературе»: «Во всяком случае, кажется вполне естественным, что от жития, более менее классического (я имею в виду повесть об Апостоле Павле), автор идёт к новому жанру, к “житийному” изображению “нежитийного...”. <...> Светлану Чураеву явно интересует жизнь юродивых <...>» [Там же, с. 163].

И ещё два отзыва И. Фролова и Ю. Горюхина. «Рассказ Светланы Чураевой, – говорит И. Фролов, – кусочек женского Евангелия. Мужчина, игравший в бога все предыдущие тысячелетия, пользуясь физической силой (данной ему родившей его женщиной только для защиты и прокорма потомства), – этот мужчина сегодня выродился <...>» [Там же, с. 166]. Чтобы прокомментировать эту мысль, И. Фролов даёт резкую, точную характеристику «мужского населения рассказа», среди которого наиболее привлекательным считает образ «злющего врача». Ю. Горюхин замечает: «Склоняюсь к тому, что перед нами всё же метафора, иносказание, притча, а значит, предъявлять претензии к несоответствию правде жизни смысла нет» [Там же, с. 167].

Мы выбрали из всего многообразия отзывов, оценок то, с чем мы можем согласиться, и то, что абсолютно созвучно нашему пониманию художественных достоинств «Чудес несвятой Магдалины» С. Чураевой. Данный рассказ, как, впрочем, и другие произведения этого же автора («Девочка и графоман», «Я там был», «Последний Апостол»), кинематографичен, он построен по сценарному принципу как цепь законченных и взаимосвязанных эпизодов. С. Чураева, скорее, создаёт ситуации, заполняя их динамичным действием, чем повествует о жизни героев.

Безусловно, в рассказе можно проследить уже знакомые черты других писателей, без этого не может обойтись современная литература, возможны перепевы, повторы, сближения. Мы с полной уверенностью, вслед за В. Султановым, можем отнести творчество С. Чураевой к «женской прозе», к прозе, которая, на наш взгляд, не боится быть откровенной, чувствительной и чувственной. Читая «Чудеса несвятой Магдалины», невольно вспоминаются сказки Л. Петрушевской. Например, в сказке «Дикий город» героиней является девочка, которую никто не любит, и из-за этого она решает уйти из дома. Но мы говорим не о сходстве сюжетов, а о сходстве судеб и, конечно же, атмосфере всеобщей нелюбви, равнодушия, абсурда, в которой живёт ребёнок.

На наш взгляд, тяготение к притче также свойственно современным писателям. Жанр рассказа-притчи позволяет не оценивать события в тексте только с точки зрения правдоподобия и неправдоподобия, а создавать ситуации, которые в какой-то момент перестают быть только реальным жизненным фактом и вырастают, трансформируются благодаря глубокому подтексту и обобщению в явление, процесс, фокусирующие в себе общечеловеческое, вечное.

Сегодня проза уфимской писательницы С. Чураевой, чьё творчество отмечено литературными премиями, вызывает прочный интерес как уфимской, так и российской читательской аудитории, глубокий интерес коллег по литературному цеху, литературных критиков и учёных [2, с. 4; 3, с. 11; 4, с. 5, 6; 7, с. 3].

Список литературы

1. **Гамбургский счёт.** «Чудеса несвятой Магдалины» Светланы Чураевой // Бельские просторы. 2012. № 4. С. 160–169.
2. **Докучаева А.** Бабочка на ладони // Республика Башкортостан. 2006. 31 мая.
3. **Ермолин Е.** Новая литература на рубеже веков // Новые писатели на рубеже веков. Форум молодых писателей России. М.: Книжный сад, 2003.
4. **Прокофьева И. О.** Новая сказка о Золушке, или рассказ о Марте из города, где еще ходят трамваи // История, современное состояние и перспективы развития теории и практики преподавания литературы и языка: сб. научных трудов и материалов Всероссийской науч. конф. с международным участием, посвященной 70-летию д. филол. наук кафедры русской литературы Р. К. Амирова. Уфа, 9-10 ноября 2011 г. Уфа: БГПУ, 2011. С. 45–49.
5. **Савельев И.** Он пытался мгновенья сберечь для людей // Урал. 2007. № 1. С. 58–64.

6. **Сайтова З. Р.** Национальное своеобразие пространства и времени в повести С. Чураевой «ниже неба» // Национальные и языковые процессы в Республике Башкортостан: история и современность: информационно-аналитический бюллетень. Уфа, 2010. № 11. С. 143–147.
7. **Чураева С.** Последний Апостол (Повести о необычайных приключениях святого Павла) / предисл. В. Маканина // Октябрь. 2003. № 6.
8. **Чураева С.** Чудеса несвятой Магдалины: из романа «Shura_Le» // Бельские просторы. 2012. № 3. С. 79–95.

**WOMAN'S GOSPEL OF S. CHURAEVA
(BY THE MATERIAL OF STORY "MIRACLES OF UNHOLY MAGDALENE")**

Prokof'eva Irina Olegovna

*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
kazahenko2010@mail.ru*

The author analyzes the story "Miracles of Unholy Magdalene" by Ufa talented writer S. Churaeva, the originality of plot, composition, images system, system of techniques used by the prose writer in the narrative; reveals the ideological-aesthetic content and text genre specific of Ufa writer's story; and concludes that S. Churaeva's "Miracles of Unholy Magdalene" can be attributed to the complex genre formation – a story-parable.

Key words and phrases: system of images; plot eclectic nature; screenwriting principle of composition; story-parable; woman's prose.

УДК 415.2:43-07

Филологические науки

В представленной статье автор приводит некоторые особенности языкового воплощения таксисных отношений одновременности собственно процессов в сегменте зависимого таксиса. В статье представлены некоторые модели данных отношений и дана их характеристика в рамках функциональной грамматики. При характеристике моделей автор акцентирует внимание на способах действия глаголов, глагольных форм и контекстуальном окружении.

Ключевые слова и фразы: функциональная грамматика; функционально-семантическое поле; таксис; одновременность; процессность; одновременность процессов.

Радченко Елена Николаевна

*Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского
lenarad71@mail.ru*

**«ОДНОВРЕМЕННОСТЬ ПРОЦЕССОВ» В СЕГМЕНТЕ ЗАВИСИМОГО ТАКСИСА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ВАРИАНТЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ[©]**

В настоящей статье рассматриваются аспектуально-таксисные отношения одновременности с категориальным инвариантом «процессность», а также реализуемые в речевых моделях варианты, базирующиеся на данном инварианте и с учетом окружающей среды, отличающиеся рядом признаков в характере протекания и распределения действий во времени, а именно с непрерывно-процессной функцией.

Согласно функционально-семантической концепции, таксис трактуется как грамматическая категория с временными отношениями между выражаемыми событиями (фактами, действиями и т.п.) безотносительно к моменту речи в качестве основополагающего принципа: «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [9, с. 101], то есть исключается феномен эвиденциальности (засвидетельствования), см.: [5]. При этом «план выражения категории таксиса составляют различные полипредикативные (в широком смысле, т.е. включающие в план содержания данной категории как «хронологические», так и «нехронологические» отношения: причинно-следственные, уступительные, пояснительные, обусловленности), высказывания определенных типов со специфическим взаимодействием разноуровневых (лексических, морфологических, лексико-грамматических и синтаксических) средств. Иначе говоря, таксис трактуется в данной концепции как особая функционально-семантическая категория (ФСК), организованная по принципу поля» [9, с. 101].

Теория структурирования и функционирования функционально-семантического поля (ФСП) таксиса для русского языка подробно описана в трудах А. В. Бондарко, см.: [2; 3]. Одним из центров А. В. Бондарко называет зависимый таксис, центральными компонентами которого являются конструкции с деепричастиями совершенного вида (ДСВ) и несовершенного вида (НСВ), а его периферийными конститuentами названы конструкции с причастиями (П) и предложно-падежные конструкции в сочетании с глаголом (ФГ).